«Сборник Кирши Данилова» должен быть рассмотрен на фоне собирательской фольклористики и литературного и бытового фольклоризма XVIII в.

Записывание, распространение и хранение записанных произведений фольклора в это время ярко отражают различный характер интересов к нему и различия в его судьбах в той или другой социальной среде.

С одной стороны, нарождается и быстро растет научный, историко-познавательный, национально-культурный, сознательно-литературный интерес к фольклору. С другой стороны, столь же быстро развивается, так сказать, читательский и потребительский интерес к отдельным видам фольклора в той среде, которая оказалась по разным причинам оторванной от живых фольклорных традиций и в быт которой народная песня или сказка уже не могла входить непосредственно.

Книга становится важным посредником между фольклором и новой культурой. Характернейшая особенность всего этого достаточно сложного процесса состоит в том, что народная поэзия воспринимается представителями новой культуры и образованности как специфическая культурная и художественная область, которая лежит за пределами новой культуры и которая должна быть этой последней усвоена (в формах, для нее характерных).

Таким образом, сознательное отношение к фольклору как определенному явлению культуры и «стороннее» восприятие и усвоение его, опора на книгу составляют характерные черты формирующейся фольклористики XVIII в. А рядом интенсивно живет «низовой или массовый фольклоризм», как определял его М. К. Азадовский. Этот фольклоризм вырастает на иной социальной, бытовой, культурной почве, питается иными традициями, опирается на принципиально иное осознание художественной сущности народной поэзии. Это — фольклоризм различных слоев и профессиональных разновидностей русского крестьянства, городских демократических низов, различных групп, оторвавшихся от крестьянского труда, и т. д.

«Многочисленные рукописные сборники и списки песен, былин, сказок, пословиц и других видов фольклора» — вещественные проявления этого низового фольклоризма. «В XVIII веке мы имеем уже десятки, сотни таких фактов. Какие-то неизвестные любители, книжники, собиратели записывают народные песни, былины, заносят в свои сборники сказки, пословицы, загадки».[2] Некоторые такие сборники, по предположению исследователей, имели определенное профессиональное назначение, и М. К. Азадовский, опираясь на эти взгляды, счел возможным поставить в тот же ряд и «Сборник Кирши Данилова».

---

[2] М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., 1958, стр. 102—103.